

— «Rosetta», 2005

JENNY SAVILLE AND GAGOSIAN

— «Plan», 1993

JENNY SAVILLE AND GAGOSIAN

ROBERT MCKEEVER, JENNY SAVILLE AND GAGOSIAN

— «Reverse»,
2002–2003

Художники всегда будут заинтересованы в изучении возможностей технологий, поэтому живопись обязательно должна быть включена в процесс и дополнена ими. То, что мы считаем картиной, постоянно развивалось — от икон до шелкографии Энди Уорхола. Я постоянно использую iPad, когда рисую, чтобы оценить и улучшить то, что я делаю, а мой сын предпочитает рисовать с помощью Apple Pencil. Архитектор Норман Фостер строит одни из самых технически совершенных зданий в мире — и безостановочно рисует карандашом на бумаге. Здесь важны воображение, процесс мышления и формулирования идей.

Что определенно продолжит развиваться, это роль живописи в обществе. Сила живописи в том, что она «бесполезна», потому что она стала своего рода визуальной поэзией или философской игрой.

Я помню, как читала перевод древнегреческого текста о дебатах с вопросом, выживет ли живопись, — видимо, поэтому художники всегда обсуждали ее возможную кончину. Но живопись будет актуальна, пока художники делают в этой сфере что-то интересное и жизненно важное. Она находит способ сконцентрировать реальность, как и все великое искусство.

Что для вас имеет наибольшее значение в художественной практике?

Инстинкт, воображение и свобода разрушать и трансформировать.

Считаете ли вы, что создание автопортретов — это один из ваших фирменных приемов?

Автопортреты всегда были частью моего художественного словаря, потому что все художники, которых я люблю, делали их. Тут можно быть особенно жестоким к самому себе.

В ходе нашего апрельского разговора в Москве вы не раз говорили, что восхищаетесь «необычной красотой». Что для вас входит в это понятие?

Бывают моменты, когда красивое может превратиться во что-то неприятное или жестокое, и в подобной метаморфозе я нахожу поэтическую силу. Или это

может быть отчужденность в том, кто хранит какую-то тайну, — неотразимая жизненная сила, на которую я смотрю и ради которой работаю. Древние греки называли это «пневмой», а в индуистской культуре есть понятие «прана».

Я нахожу этот вид красоты во многих областях, не только в людях или искусстве. Я собираю изображения граффити во время путешествий, потому что мне нравится сочетание и использование цвета, я фотографирую пятна и тени, изучаю древние скульптуры из таких мест, как Месопотамия, потому что они могут обладать таинственной силой. Моя работа — это своего рода смесь того, что мне удалось увидеть в Древнем мире, трансформированная в нечто очень современное.

В апреле вы не первый раз были в Москве и собираетесь приехать еще...

Москва волшебна. В этот раз я увидела ее с другой стороны, когда встретила со многими очаровательными людьми, с которыми я не сталкивалась раньше, увидела множество интересных лиц. Я оказалась на ярмарке арт-книги Deficit на «Флаконе», танцевала на концерте на станции метро в три часа ночи, ела вкусную еду и бродила по древнему Кремлю.

У меня давний роман с Россией, потому что я выросла любовью к российскому кино, особенно к работам таких режиссеров, как Андрей Тарковский, и к таким фильмам, как «Иди и смотри» Элема Климова. Я бы хотела выучить русский достаточно хорошо, чтобы читать стихи в оригинале.

Одни из главных коллекционеров ваших работ родом из России. Как думаете, почему так сложилось?

Не могу сказать, возможно, мое увлечение всеми видами русского искусства как-то повлияло на эстетику моих работ, и благодаря этому они визуально понятны.

Беседовал Александр Шуренков